

A woman with long, flowing blonde hair is seen from the back, standing on a dark, rocky cliff. She is wearing a long, black, sleeveless gown with intricate gold and white patterns. In her right hand, she holds a glowing blue orb. The background features a vast blue sea under a dramatic sky with dark, heavy clouds and a soft orange and yellow glow from the setting or rising sun. The overall mood is ethereal and romantic.

Юлия Глухова

Жемчужина
Сапфирового
моря

Юлия Глухова

Жемчужина Сапфирового моря

<https://litres.ru/74009091>

SelfPub; 2026

Аннотация

В сердце могущественной империи Валандор, раскинувшейся у берегов Сапфирового моря, судьба одной девушки становится разменной монетой в жестокой игре престолов. Шестнадцать лет назад азартный плотник Кайар проиграл всё, включая собственную дочь, и юная Лисандра, оторванная от семьи, выросла с яростью в сердце, ненавидя императора и его законы.

Её жизнь во дворце начинается с унижения. В день коронации молодого императора Дориана её, как и других девушек, привозят в качестве живой уплаты отцовского долга. Но Лисандра не склоняет голову. Её дерзкий, прямой взгляд в тронном зале поражает правителя, привыкшего к рабской покорности. Вместо того чтобы стать безликой служанкой, она оказывается втянутой в смертельный водоворот дворцовых интриг.

Это эпическая история о любви и ненависти, о власти и справедливости, где ледяная гордость одной женщины бросает вызов правителю, навсегда меняя судьбу целой династии.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Жемчужина Сапфирового моря

Глава

Среди горных вершин и густых лесов, в самом сердце Сапфирового моря раскинулась и процветает могущественная империя Вала́ндор. Сотни лет ею правят представители династии Танда́рионов. На протяжении веков имя этой семьи внушало трепет и уважение жителям валандорских земель. Их история — летопись великих подвигов, коварных интриг и несгибаемой воли.

Лисандре едва исполнилось двадцать три года, когда по всей империи прокатилась весть: император Эфирён Тандарион, могучий и непобедимый правитель, покинул этот мир, уступив трон своему первенцу — единственному сыну Дори́ану.

Девушка сидела на краю скалы. Внизу, у подножия, море с глухим рокотом разбивалось о камни, поднимая в воздух тучи солёных брызг. Ласковый ветер трепал её распущенные волосы, забрасывая пряди в лицо, но Лисандра не замечала этого. Её взгляд был устремлён туда, где свинцовое небо сливается с тёмной водой Сапфирового моря. Сердце билось

в тревожном ожидании. Она знала: после коронации молодого императора за ней придут. Лисандра навсегда покинет отчий дом, чтобы служить новому повелителю.

Позади раздались тихие шаги. Кайар, еле переставляя ноги, с тяжёлым сердцем опустился рядом с дочерью. Он знал, куда она уходит, когда в душе сжимается тоска. После смерти жены девочка часами сидела на этой скале, в полном одиночестве изливая боль утраты бурному синему морю.

— Лисандра, дочка... Я знал, что найду тебя здесь.

— Они пришли, папа?

Кайар тяжело вздохнул:

— Пока нет. Но на имперской ярмарке торговцы видели, как в поселение въехала пустая повозка из дворца. Значит, объезжают дома. Скоро будут и у нас.

Мир вокруг будто замер. Резкий холод вонзился острыми иглами под кожу. Внутреннее отчаяние раздирало душу. В голове — ни одной мысли, только звенящая пустота.

Отец опустил лицо в ладони и прошептал:

— Я знаю... ты никогда по-настоящему не простишь меня. Мне не искупить своей вины перед тобой и перед твоей матерью. Ненавижу... себя. И весь этот варварский императорский род! Пусть они все сгорят в преисподней!

Лисандра осторожно положила ладонь ему на плечо и холодно произнесла:

— Не надо, папа... Моё прощение — в смирении. Если так случилось — значит, так тому и быть.

Кайар поднял на неё покрасневшие глаза и чуть заметно улыбнулся:

— А может, и к лучшему, Лисандра? Может, это и есть твоё предназначение? Подумай, вдруг повезёт? Место супруги молодого императора занято, но если он заметит — сделает тебя своей фавориткой. Говорят, наложниц у него всего одна, значит, место второй свободно. Ты ведь такая красавица... Так похожа на мать — статью и умом. Родишь государю первенца — и станешь госпожой. А здесь? Всю жизнь просидеть рядом с немощным отцом...

Глаза Лисандры расширились. В них вспыхнул опасный блеск. Щёки побелели от ярости, дыхание стало резким и прерывистым. Сделав глубокий вдох, она процедила сквозь зубы:

— Лучше я сброшусь с этой скалы прямо сейчас, чем позволю Дориану до меня дотронуться. Хватит этих пустых мечтаний, отец. Я отправлюсь во дворец — служить. Стирать императорские рубахи, драить полы... До конца своих дней. Вот в чём моё предназначение!

Её слова повисли в воздухе. Девушка уже вскочила на ноги — стремительная, как стрела, выпущенная из лука. Она бежала прочь, не разбирая дороги, не чувствуя под собой ног. Отец был прав: она никогда по-настоящему не простит его. Её отчаяние — его вина.

Шестнадцать лет назад в их глухом поселении шёл праздник в честь окончания сбора урожая. В тот день канцлер им-

ператора Асториан прибыл с охраной, чтобы собрать подати. Представитель власти не брезговал участвовать в лунных ставках. На этот раз в качестве приза канцлер привёз сундук с драгоценностями из императорской казны. Сам Эфирон выделил средства. Кайар был известен на всю округу не только своим пристрастием к азартным играм, но также неугасающей мечтой разбогатеть, выбраться из нищеты. Труд плотника приносил доход хоть и не скудный, но сытых дней в доме мужчины было мало. Среди драгоценных камней, привезённых из дворца, в сундуке покоилась особая добыча# лазурная жемчужина, редкий дар Сапфирового моря. Собрав остатки сбережений, Кайар отправился на площадь и решительно ввязался в игру с императорским посланником. С каждым новым раундом азарт плотника разгорался всё сильнее. Ставка за ставкой — всё мимо. Отчаявшись, Кайар решил играть ва-банк. Удача упорно сопротивлялась. К тёмной ночи он не только проиграл всё, что имел, но и остался должником. Мужчина с ужасом понял, что мечта о богатстве рассыпалась в прах. Императорские сокровища остались недостижимы, а он# нищий и опозоренный. Ближе к рассвету заскучавший канцлер окончил игру. Озвучил долг, который азартному Кайару не возместить за три жизни. В отчаянии плотник бросился бежать, дворцовая стража без труда настигла опьянённого вландорским нектаром и страхом мужчину.

Молодой канцлер Асториан — высокий и аристократич-

ный мужчина — медленно подошёл к сидящему на коленях Кайару. Достав из кармана безупречно белый шёлковый платок, аккуратно стёр с уголка губ мужчины кровь и хладнокровной произнёс:

— Что ж, Кайар, сегодня удача явно убежала от тебя в кусты. Это за ней ты так отчаянно гнался? Не от нас ведь? Это глупо, от нас не убежать.

Кайар поднял тяжёлую голову. Кровь из рассечённой брови залила его правый глаз. Превозмогая жгучую боль в рёбрах, мужчина произнёс:

— Вы... что... что вы хотите? У меня нет таких денег... Даже если продам всё, что у меня осталось, — это капля в море. Заберите мою жизнь или отдайте в рабство, только дайте попрощаться с женой и дочерью.

Канцлер приподнял бровь и ухмыльнулся:

— Жизнь твоя, Кайар, ничего не стоит, она нам ни к чему. Как раб ты стар. Даже бегать не умеешь. Посмотри на моих воинов, все крепки и неутомимы, а ты и дня в услужении не протянешь. Таких персон во дворце и без того некуда пристроить.

Минуту помедлив, Асториан поинтересовался:

— Говоришь, есть дочь? Сколько ей лет?

Ослабшего и избитого мужчину в ту же секунду охватила паника. Сердце, как зверь в клетке, заметалось в груди, готовое выпрыгнуть на свободу. От гнева на лбу вздулась вена. Кайар истерично и сбивчиво закричал:

— Имперские стервятники! Что вы задумали?

За что немедленно получил коленом под дых. Императорский канцлер дождался, когда мужчина восстановит дыхание, и произнёс спокойным бархатным голосом:

— Сейчас ты покажешь дорогу к своему дому. Без глупостей. Познакомишь нас со своей семьёй. Мы обещаем не вредить им, слово императора Эфирона. Сделаешь как велено, и твоя семья будет в безопасности.

Всю дорогу до дома Кайар думал, как ему выпутываться. Бежать? От них не скрыться. Убить себя? Тогда что они могут сделать с Оливией и малышкой Лисандрой? Воровать? Жизни не хватит, чтобы таким способом возместить долг, и в конце концов его поймают и казнят как преступника. Смерть не выход. Они не оставят в живых жену и дочь. Тупик, выхода нет.

Когда воины в тяжёлых латах завели в дом избитого главу семейства, испуганная Оливия, закрыв рот рукой, подскочила с места. Она не смогла подавить вопль страха и паники. На крики матери в комнату торопливо вышла маленькая девочка семи лет. Быстро перебирая ножками, она выбежала навстречу охране. От вида окровавленного отца маленькое сердечко дочери забилося в тревоге. Из широко распахнутых зелёных глаз крупными льдинками посыпались слёзы. Её волосы цвета спелой пшеницы прилипли ко лбу и выбивались из слегка растрёпанной косички. Фарфоровое лицо Лисандры залил ярко-розовый румянец. Такая маленькая, но такая

смелая девочка бросилась на одного из воинов и начала молотить маленькими ручками:

— Отпустите! Отпустите папу! Ему же больно!

Оливия всё ещё была в оцепенении. Она не двигалась с места, не издавала ни звука. Женщина понимала — любое сопротивление страже императора, и сию минуту последует наказание. Лишь возгласы маленькой Лисандры заполнили всё пространство.

Наконец в центр комнаты вышел Асториан. Мягко взяв девочку за плечи, он сел на корточки и развернул её лицом к себе. Лисандра тут же умолкла. Тяжело дыша и не моргая, она смотрела канцлеру прямо в глаза. Взгляд уверенный и бесстрашный. Мужчина увёл глаза в сторону, затем посмотрел на отца девочки и улыбнулся:

— Твоя дочь куда отважнее и смелее тебя. Уже видно, вырастет умницей и красавицей. Только норов строптивый не по годам. Это нужно исправить. Ты меня понял, Кайар?

— Что это значит, ваше превосходительство? — со страхом в голосе спросил отец.

Канцлер ухмыльнулся и издевательски протянул:

— Ваше превосходительствооооо... Какая любезность! Помнится, совсем недавно мы были имперскими стервятниками. Как вижу, хмельная пелена оставила тебя, Кайар. Прошла спесь — это хорошо.

Оливия вздрогнула. Почуввав неладное, она наконец подала голос:

— Муж мой, что всё это значит? Что ты натворил? Для чего здесь эти люди? Ответь мне!

Асториан поднялся на ноги. Мягко улыбнувшись, провёл большим пальцем по щеке Лисандры. Девочка не шелохнулась, а лишь нахмурила бровки и с опаской посмотрела на представителя императора. Канцлер, скрестив руки за спиной, начал мерить комнату шагами. Обернувшись, бросил на ребёнка ленивый взгляд и окончательно убедился:

#Прелестная девочка.

После обратился к застывшему Кайару:

— Ну? Сам объяснишь? Хотя давай лучше я. Всё-таки дипломатия — мой удел.

Посланник развернулся к Оливии и, вскинув подбородок, доходчиво объяснил:

— Твой муж, женщина, проиграл мне большую сумму денег. Таким образом, долг вашей семьи едва ли возможно возместить. Но твой мужчина героически предложил нам свою жизнь. Однако цена ей — грош. Но я не зверь, я помогу вам... Как известно, у повелителя подрастает сын — наследник Дориан. Как гласит обычай наших земель, в день коронации нового государя, да пошлёт Всевышний долгих лет жизни императору Эфирону, в поселениях выкупаются девушки в услужение новому императору. А это значит, как придёт время, прелестное дитя отправится жить во дворец, дабы уплатить долг отца.

Кайар упал на колени, из-за неумолимой безысходности

из глаз брызнули слёзы:

— Ваше превосходительство, пощадите! Дайте время, я заплачу долг! Не забирайте мою дочь. Она единственная драгоценность моей жизни!

— Единственная и потому бесценная — достойный обмен. А ты возьми за голову, девочка ещё совсем мала — у тебя будет время, чтобы смириться и достойно подготовить дочь для будущего императора.

Оливия, издав гортанный рык, бросилась к ребёнку. Схватив её на руки, закричала:

— Кайар, что он говорит? Нет! Нет!!! Не отдам!

Женщина упала на колени с девочкой на руках. Кинулась целовать канцлеру руки. Умоляла о пощаде. Асторан брезгливо отдернул руку и властно произнёс:

— Одумайся, женщина! О чём ты просишь? Возрадуйтесь! Вашей дочери уготовано будущее, о котором не каждый подданный смеет мечтать. Она проведёт свою жизнь рядом с сердцем империи — это великая честь и милость!

После канцлер жестом руки приказал отпустить Кайара и отправился к выходу. У самой двери мужчина остановился и обернулся:

— Берегите дитя, уделяйте больше времени воспитанию, учите смирению. Может, тогда у главы семейства не останется времени на то, чтобы празднично тратить свою жизнь. Надеюсь, вы понимаете, какова цена разочарованию повелителя. Не смейте бежать и прятаться — вас найдут и казнят. Не

смей воровать, Кайар, — вас поймают и казнят. Мой личный наказ: берегите девушку от глаз и рук мужчин, иначе... казнят всех.

На последней фразе Асториан сделал особый акцент. После одёрнул полы своего кафтана и вместе со свитой удалился прочь.

На несколько минут в доме повисла гнетущая тишина. Придя в себя, родители девочки, упав на колени, ещё долго прижимали к себе единственную дочь. В то утро Лисандра поняла: её жизнь уже не будет прежней. Отец до конца дней будет жить в страхе и с чувством вины, а мама так и не сможет смириться. За пару лет гнев и обида сожгут ей сердце. Она покинет их семью и жизнь, так и не простив мужа.

Ноги сами принесли её сюда, в родной дом. В груди жгло огнём, воздуха не хватало, но остановиться было ещё страшнее, чем бежать. Лисандра влетела во двор, словно гонимая ураганом, даже не заметив, как, скрипя колёсами, за домом остановилась повозка. Подбежав к входной двери, она увидела фигуру светловолосого мужчины. Нежданный гость выглядел мощно, словно гора. Он стоял к ней спиной и намеревался постучать в дверь. Девушка застыла, точно статуя. Главный страж императорских покоев обладал острым зрением и чутким слухом, он сразу почувствовал позади себя чьё-то присутствие. Резко обернувшись, мужчина увидел перед собой испуганную девушку с растрёпанными светлыми

волосами. Она замерла на тропинке, широко распахнув глаза. Лисандра была похожа на запуганную лань, сердце которой вот-вот пронзит смертельная стрела. В её огромных зелёных очах плескался неподдельный страх, пальцы начали нервно тереть край рукава.

Мужчина, прочистив горло, глубоким басом прервал молчание:

— Позвольте представиться, страж императорских покоев Вирён. Я прибыл по велению его превосходительства канцлера Асториана, дабы сопроводить вас во дворец.

Лисандра, не ожидавшая подобной почести, выдохнула, слегка расслабив плечи. Всю сознательную жизнь она прожила в ожидании этого дня. Перед глазами всплывали обрывки образов: как её, связанную, волокут во дворец силой или крадут из дома, не дав попрощаться с отцом. Но суровый вид воина не позволил полностью отпустить чувство тревоги. Девушка помнила с детства, что любое неповиновение — и тут же все церемонии и любезности закончатся вмиг. Нервно закусив губу, она робко заговорила с мужчиной:

— Добро пожаловать, страж Вирон! Я ещё не готова. Сколько у меня есть времени на сборы?

Мужчина прищурил голубые глаза и резко ответил:

— У тебя его нет! Разве ты не знаешь, кому принадлежишь? Давно должна была подготовиться, а если это не так, значит спросим с твоего отца.

В это самое время, задыхаясь, во двор вбежал взмылен-

ный Кайар. Он бежал всю дорогу следом за дочерью, а увидев издалека повозку, вовсе помчался к дому изо всех сил, опасаясь, что не успеет напоследок обнять Лисандру. Заметив стража, мужчина наспех поклонился и с опаской поцеловался на девушку. Вирон стоял неподвижно, скрестив руки на мощной груди:

— Мы пришли за твоей дочерью. Пришли с миром. Но она просит дать ей время. Неслыханная дерзость — заставлять императора ждать!

Руки Кайара затряслись, глаза растерянно забегали, мужчина дрожащим голосом ответил:

— Добро пожаловать, ваша милость! Не гневайтесь. Моя дочка растерялась, нервничает — это ведь такая честь! Её ждёт встреча с самим повелителем! Девушка давно готова. Позвольте вынести вещи из дома и обнять на прощанье родную дочь. Мы не заставим вас долго ждать.

Вирон молча отошёл в сторону и освободил дорогу мужчине. Взволнованный Кайар суетливо вбежал внутрь. Лисандра, опустив пустой взгляд в землю, хотела последовать за ним. Но страж преградил ей дорогу. Девушка застыла в оцепенении, а Вирон одним жестом руки приказал ей отойти назад и властно произнёс:

— Ты останешься и подождёшь здесь. Повидал я вас — дерзких да прытких. Искать и догонять у меня времени нет. Уверен, отец справится без тебя.

Лисандра молча отошла на шаг назад. Уверенно и пря-

мо она посмотрела в глаза мужчине. Про себя подумала: *«Вот оно — истинное лицо власти! Ещё несколько минут назад дружелюбие и учтивость Вирона казались искренними, а теперь за один лишь намёк на неповиновение они превратились в холодную маску. В глазах, излучавших участие и дружелюбие, появился стальной блеск. Ни капли жалости и сострадания. Среди этих людей мне придётся научиться жить».*

Через мгновение с узелками в руках на пороге показался отец девушки. Пальцы его дрожали, но он всё же протянул их Лисандре, не пытаясь этого скрыть. Она приняла свою ношу и сжала узелки с такой силой, что костяшки побелели. Отец снял с её плеча невидимую пылинку — этот жест девушка помнила с детства. Перед глазами Кайара сейчас стояла не та взрослая и уверенная Лисандра, а его маленькая Лиси, которая только вчера сделала первые шаги по этому двору, ещё мгновение — и она бежит к нему с разбитой коленкой, а после льёт горькие слёзы из-за сломанной игрушки. А теперь она уезжает из поселения, из дома, из его жизни. Навсегда.

Лисандра посмотрела на отца глазами, полными слёз. В ней бились все чувства сразу: тоска по дому, обида на папу, боль от утраты матери и ненависть к тому, кого она не знала в лицо, но чью волю ей предстояло исполнять до конца своих дней. Проглотив ком в горле, Лисандра произнесла:

— Папа, я... — но голос предательски сорвался.

— Не надо, — тихо перебил её Кайар.

В его глазах стояли слёзы, но он держался. Мужчина хотел сказать так много: чтобы она берегла себя, помнила семью, что дом без неё опустеет, а тишина станет невыносимой. Но слова застряли в горле. Вместо этого отец лишь кивнул и выдавил из себя кривую, жалкую пародию на улыбку. Вирон, всё это время стоявший позади, издал звук, похожий на кашель. Кайар обернулся и понял — страж намекает на то, что их время закончилось. Сколько бы лет они ни готовились к этому дню, боль от разлуки — неизбежна. Сколько бы молитв он ни вознёс Всевышнему за долголетие императора Эфирона, пришло время платить по долгам. Его долгам. Терпи и смирись.

Лисандра, поцеловав руку отца на прощанье, быстрым шагом направилась к повозке, страж пошёл следом. Мысль о том, что вся её жизнь пройдёт в тоске, скорби и смирении, была ей невыносима. Смирение противоречило самой её натуре, а значит, выбора нет — нужно бороться. Чтобы войти во дворец, не уронив своего достоинства, девушке нужно было срочно исцелить душевные раны. Какой бы ни оказалась её новая роль, она должна была принять её с высоко поднятой головой. Времени мало. На пути к повозке слёзы, ещё секунду назад лившиеся ручьём, высохли. Плечи безвольно опущенные, расправились сами собой. Дрожь, бившая всё тело, утихла, уступив место ледяному спокойствию. К Лисандре вернулась привычная стать. В её взгляде, где ещё недавно плескалась безысходность, теперь горел холодный

упрямый огонь. Это был не гнев, а твёрдая решимость. Сейчас Лисандра больше не являлась жертвой обстоятельств, она была скалой, о которую разбивались волны отчаянья. Эти глаза молодой страж покоев императора запомнит надолго.

Лисанда шагнула в большую закрытую повозку. Она оказалась не пустой. Внутри царил полумрак, пахнувший пылью и неизбежностью. Десять пар глаз устремились на девушку. У иных глаза были пустыми, погасшими, как угли в остывшем очаге, а кого-то во взгляде читались предвкушение и тихая радость. То были девушки, которых родители собственноручно продали во дворец. С некоторыми из них Лисандра была знакома. В основном бедняжки из неблагополучных или бедных семей, где достаток не позволял прокормить ещё один рот. Такие выходили замуж с трудом, посему являлись обузой. По приезде во дворец невинных и непорочных претенденток оставляли служить во дворце, познавших мужчину отправляли выполнять самую грязную работу. Но как бы ни было, всех объединяло одно — им суждено стать прислугой. Лисандра среди девушек не считала себя особенной и не имела особых привилегий. Однако по наказу канцлера отец, как и обещал, сберёг дочь от глаз и рук мужчин. Воспитывал в строгости, обучал смирению.

Девушка замерла на пороге, солнечный луч на мгновение осветил её фигуру, словно последний привет из мира свободы, которой она только что покинула. Затем тьма погло-

тила её. Дверца захлопнулась, отрезая путь назад. Повозка тронулась, унося их всех в неизвестность.

Всю дорогу до дворца девушки молчали, никто не смел перебить мысли друг друга. Кто-то из девушек тихо всхлипывал, уже тоскуя по семье. Кто-то мечтательно вздыхал, воображая, какой же дворец изнутри и каков Он — молодой император. Красивый или неказистый? Суровый или нежный? Как выглядят его жена и наложница? Есть ли шанс пробраться к нему в постель? Лисандру не занимала ни одна из подобных мыслей, в её голове и душе царила пустота. Она лишь внутренне боролась с предстоящей паникой.

Лисандра спрыгнула с повозки. Её ноги коснулись гладких, кропотливо уложенных плит. Девушка подняла глаза и увидела арку ворот, украшенную резьбой и гербом империи. Вокруг было много зелени и пространства. Но эта красота не вызывала восхищения, она давила, напоминая о том, что дворец отныне её золотая клетка.

Дориан стоял на балконной террасе, погружённый в свои мысли. Ему предстояло не просто взять в руки власть, но и убедить всех, что он способен править не хуже отца, принять на себя бремя правления и справедливо руководить подданными. Нрав молодого императора состоял из сложного сплава врождённого благородства, груза ответственности и личных страстей. В обществе держался достойно, говорил мало и по делу. Обладал врождённым обаянием и острым умом.

Молодой человек был высок, красив и строен. Чёрные как вороново крыло волосы контрастировали с пронзительными голубыми глазами, тем самым придавая его взгляду эффект мгновенного подчинения.

В двери покоев постучали. Дориан вальяжно махнул рукой, украшенной фамильным перстнем, громко приказал:

— Войди!

Слуги отворили тяжёлые створки. На пороге стоял Вирон — верный воин, единственный собеседник, главный страж дворца и его личных покоев. Как всегда собранный, как пружина, почтительно опустив глаза в пол, произнёс:

— Император, пришёл оповестить, что во дворец доставили новых девушек для услужения. Желаете взглянуть?

Дориан тяжело вздохнул и, слегка повернув голову, через плечо ответил:

— Полагаю, данный вопрос не требует моего личного вмешательства. Дайте девушкам отдохнуть с дороги, потом отведите их к лекарю, а после передайте Стewardу, уж он найдёт для них дело. А у меня есть заботы поважнее.

— Господин, — слегка замаявшись, Вирон продолжил: #

Помните девочку, о которой рассказывал его превосходительство Астроиан, её мы тоже доставили.

Дориан повернулся, скосил взгляд в сторону:

— Находишь это любопытным для меня? Хотя ты прав, как император я должен присутствовать на церемонии приветствия и распределения... Поступим так: объяви общий

сбор в тронном зале, обязательно пригласи моих жену и наложницу. Обе утверждают, что их служанки не справляются. Мудрый правитель решает несколько задач одним действием. Это именно такой случай. Я, как и положено, поприветствую девушек, а мои женщины, надеюсь, выберут кого-нибудь в слуги. И закроем тему.

— Девушек, верно, следует подготовить и переодеть? — спросил страж.

Император хмыкнул:

— Дорогой друг, не стоит. Ты же знаешь нрав моей Эленис. Нафантазирует себе, что среди разодетых и надушенных женщин я решил выбрать вторую наложницу. А моя супруга уже два года не может смириться с присутствием фаворитки. Ещё одну претендентку она просто не вынесет.

Дориан игриво рассмеялся и продолжил:

— Не хочу отвлекаться от важных дел на её бурные недовольства. Собирайтесь в тронном зале и ожидайте моего прихода. Можешь идти.

Страж покоев наскоро поклонился в ноги своему императору и, не поворачиваясь к нему спиной, покинул покои.

Тронный зал, обычно гудящий от громких распоряжений, замер в напряжённом ожидании. На возвышении по обе стороны от трона расположились две молодые женщины. Жена повелителя восседала на резном кресле справа. Её спина была идеально прямой. Взгляд был устремлён в пустоту, но в

нём читалось огненное, ревностное любопытство. В госпоже не было восточной томности или южной пылкости. Её внешность была острой и колючей. Русые волосы хорошо сочетались с тонкими бровями вразлёт. Она кусала слегка поджатые губы и метала на дверь цепкий взгляд серо-зелёных глаз. Эленис восседала рядом с тронem с таким лицом, будто была не просто супругой императора, а самой владычицей. Белое шёлковое платье, расшитое жемчугом, прикрывало её светлую и гладкую кожу. На шее блистали ярчайшие драгоценные камни этого мира.

Нрав Эленис все знали не понаслышке. Её боялись за крики и ещё больше за тишину. Она обладала особой памятью на промахи слуг и испепеляющей ревностью к мужу. Особую ненависть госпожа испытывала к Аларе — единственной наложнице Дориана. Её ревность была похожа на отравленный кинжал. Снаружи — безупречна осанка на глазах придворных, внутри — желание вонзить этот кинжал в сердце той, кто посмела занять место в мыслях мужа. Самой Эленис и всем вокруг было давно известно: государь пылал любовью и обожанием лишь к единственной жене, а Алар — пешка в игре, которую ведут супруги. В очередной раз, когда госпожа позволила себе отчитать будущего императора на глазах слуг, Дориан с холодной выдержкой завёл её в свои покои. Мужчина устал. Он позволил ей слишком много, позволил управлять собой и тогда решил, что пора проучить свою склочную даму сердца. Дориан не кричал. Он никогда не

кричал. В тот вечер он просто стоял у окна и молча слушал, как супруга продолжает его отчитывать за несуществующую интимную связь с прислугой. Наследник позволил Эленис выговориться. На дне его сердце уже не осталось места ярости, лишь усталость и скука. Вдруг, подняв руку перед собой, мужчина тихо, но с властной интонацией произнёс:

— Довольно.

Эленис осеклась на полуслове. Дориан не стал оправдываться и спорить, ни в этот раз. Вместо этого он вызвал дворцового управляющего и отдал короткий, не подлежащий обсуждению приказ. Это был намеренный ход, ни о какой любви и привязанности к фаворитке не шло и речи. Он выбрал ту, которая была полной противоположностью жены: юную, кроткую, без намёка на коварство — Алару, бывшую прислужницу покоев матери. Этим наследник показал Эленис, что власть над ним — её иллюзия. Он может стереть влияние своей супруги одним коротким приказом.

Слева от трона на низкой оттоманке расположилась наложница. Она была воплощением нежной красоты. Густые каштановые волосы спадали кудрявым водопадом на смуглые плечи, в её застенчивых карих глазах всегда плескались мягкость и задумчивость. Взгляд Алары не был острым и оценивающим, а глубоким и понимающим. Ей было всего семнадцать лет, когда молодой наследник объявил её своей фавориткой. С того дня девушка испытывала тихую и смиренную любовь к своему господину, хоть и знала, что это-

му чувству не суждено стать взаимным. В те редкие моменты, когда Дориан звал её в свои покои, как требовал обычай, или брал с собой на охоту, за тихим, душевным разговором сердце наложницы ликовало. Она, как никто другой, умела отвлекать императора от тяжёлых мыслей. Девушка давила ревность в зародыше, не позволяя себе даже думать о ней. Разве смеет рабыня, вознесённая капризом императора, претендовать на большее? Но на самом дне её сердца горел огонёк, который тихими переливами нашёптывал разуму: *«Если не мне суждено сбить спесь с горделивой и стержозной Эленис, то пусть это сделает другая»*. Алара поправляла полы бордового бархатного платья, когда в тронный зал вошёл император.

Двери, ведущие в тронный зал, распахнулись. В наступившей вмиг тишине появился Дориан. Молодой император двигался с грацией хищника. Его статная фигура, затянута в тёмно-серый бархат, вышитый золотой нитью, излучала ауру абсолютной власти. На его обнажённой гладкой груди покоилась золотая цепь с медальоном. Дориану исполнился всего лишь двадцать один год, но его манеры и осанка принадлежали зрелому мужчине. Все присутствующие замерли, а Эленис и Алара вскочили с мест в ожидании, пока император займёт свой трон. Когда государь уселся и принял вальяжную позу, то повиливающим жестом позволил всем расслабиться, а женщинам — сесть.

Воздух в тронном зале был густым, пропитанным арома-

тами благовоний и напряжением. В сопровождении Вирона шесть фигур в длинных, до самого пола, чёрных накидках вышли к господину. Тёмная безмолвная ткань глубоких капюшонов полностью скрывала лица девушек, превращая их в безликие тени. Когда они выстроились в ряд у подножья трона, главный страж приказал:

— Снять капюшоны! Без позволения императора головы не поднимать!

Девушки повиновались. Каждая медленно откинула капюшон, взоры всех рабынь были прикованы к мраморному полу. Всех, кроме одной... Лисандра откинула ткань назад, её копна пшенично-русых волос упала на плечи. Девушка подняла голову и решительно посмотрела в глаза императору. Не украдкой, не из-под ресниц, а в упор. Её взгляд был прямым и дерзким, полным вызова. В этот момент Дориан со скукой рассматривал обстановку вокруг и держал в правой руке ладонь супруги, поймав на себе смелый взор рабыни, опешил. Он ожидал увидеть страх, смирение, покорность. Но вместо этого его встретил взгляд равного. В глазах молодого императора мелькнуло удивление, которое неожиданно для него самого тут же сменилось холодным интересом. Он непроизвольно подался вперёд. Странное поведение господина заметили все, а особенно Эленис. Как только она проследила за траекторией взгляда Дориана, её глаза вспыхнули от ярости. Скривив рот, супруга показательно отдёргнула руку, перетягивая внимание мужа на себя. В зале воца-

рилась мёртвая тишина, даже стражники у дверей перестали дышать. Такая дерзость могла стоить Лисандре жизни. Все ждали приказа, но повелитель не посмел навредить ей. Он увидел перед собой не рабыню, а стихию, неукротимую и прекрасную в своей ярости. Император не разозлился, он был поражён. Дориан сразу понял, кто перед ним стоит. В отличие от других, её не продали во дворец. Она прибыла, чтобы погасить долг отца, и стала жертвой обстоятельств, о которых родной дядя Эленис, канцлер Асториан, рассказал императору ещё в детстве.

Наконец, Дориан, сделав вид, что не заметил выходки девушки, произнёс:

— Добро пожаловать в самое сердце Валандора! Приветствую вас в моём доме! Отныне вы находитесь под моей защитой. Здесь вы найдёте кров и безопасность. Я надеюсь, что ваше служение будет усердным, а пребывание во дворце — мирным. Помните, что милость императора безгранична для тех, кто знает своё место и чтит установленные порядки. Я не ищущу рабства в его низшем смысле, я ищущу преданности и умиротворения. Служите мне, моему дому честно, и награда за это будет достойной.

Затем Дориан плавным, но стремительным движением поднялся с трона, заставляя слуг замереть, а своих женщин встать. Не оборачиваясь на девушек, он направился к выходу. От осознания произошедшего за одно мгновение внутри поднялась буря: *«Её взгляд, её дерзость... это было слишком.»*

Я — император и должен был наказать». Государь пересёк зал широкими, размашистым шагами, глядя строго перед собой. Дориан скрылся за высокими дверями так быстро, что тяжёлые створки едва успели распахнуться перед ним. Никто бы не догадался, что повелитель покидает тронный зал только для того, чтобы скрыть необъяснимое смятение от взгляда девушки. И только Эленис, которая слишком хорошо знала своего мужа, заметила, как он занервничал.

Госпожа, судорожно вздохнув, старалась держать лицо, что ей удавалось плохо. Посмотрев на девушку цепким взглядом, на который Лисандра ответила взаимностью, супруга императора сердито цокнула языком и со стальной властью в голосе заявила:

— Все слышали нашего повелителя! Надеюсь, вы понимаете, где находитесь. Здесь нет места глупости, наивности и излишней дерзости!

Последнее слово Эленис произнесла с особым нажимом и показательно задержала взгляд на Лисандре. Помедлив несколько секунд, продолжила:

— С сегодняшнего дня ваша жизнь подчинена порядку. Я — госпожа этого дома. Повернувшись к Аларе, Эленис с ядовитой улыбкой произнесла:

— Я — единственная законная супруга вашего государя. Мои правила — незыблемы. Тот, кто проявит непочтительность или... излишнюю смелость, будет наказан. Ну а теперь передаю вас в руки Стеварду.

Дворцовый управляющий со скоростью выпущенной стрелы оказался у трона.

— Моя госпожа, жду ваших указаний, — с наигранным почтением произнёс седой мужчина в тёмных одеждах.

— Отведи новых рабынь к лекарю. Пусть их хорошо осмотрят, проблемы в виде заразы безродных особ нам ни к чему.

Как только Эленис закончила, отрешённо отвернулась от девушек и, лишь едва шелохнув пальцами, приказала увести рабынь прочь, все неопытные служанки, включая Лисандру, торопливо и суетливо попятились назад, спиной к выходу.

Эта ночь оказалась длинной. Всех девушек тщательно осмотрели. Но с особым вниманием, граничащим с дотошностью, главный лекарь осмотрел Лисандру. Только потом при разговоре двух служанок она узнает, что такое внимание к ней — приказ канцлера Асториана. По его велению лекарь должен был убедиться в невинности девушки, проверить, сдержал ли Кайар особый наказ императорского представителя. Убедившись, что все условия устного договора соблюдены, её отправили спать в комнату для слуг. Оставшуюся ночь, мучаясь от бессонницы и жажды, Лисандра не могла заснуть. Открыв дверь, заметила, что стражник, стоящий у дверей, дремлет. Ткнув пальцем ему в плечо, девушка убедилась, что тот занят увлекательным сновидением. Не теряя момента, она просочилась мимо спящего на цыпочках вдоль стены. Свет факелов слепил глаза, а ледяной пол

холодил ступни. Девушка брела по извилистым коридорам дворца, как по лабиринту, в поисках кухни. Из дальнего угла за поворотом она услышала, как кто-то гневно ругается шёпотом. Затаив дыхание, Лисандра с грацией кошки подкралась поближе. Из глубины коридора послышался женский шёпот, рискующий перейти на крик, её собеседником явно был мужчина. Рабыня прислушалась:

— Это из-за тебя, дядя! Делай что хочешь, но я не желаю видеть здесь эту девку! Отошли, отрави, покалечь, мне плевать!

— Прошу возьми себя в руки! Я надеюсь, ты не успела устроить скандал повелителю?

— Еле держусь! Не знаю, как сдержалась в тронном зале. Ты видел, как он на неё смотрел? Я хорошо знаю этот взгляд Дориана! Если твоя племянница хоть на крупицу дорога тебе, избавься от рабыни!

— Эленис, ты слишком заносчива! Вспомни, на каком месте находишься. Твой муж не обычный человек, он — император! Ты занимаешь самое влиятельное место не только во дворце, но и в его сердце. Он любит тебя. Также вспомни, с каким усердием он умолял Эфирона, чтобы тот позволил случиться вашему браку. Дориан рисковал потерять всё — милость отца и дорогу к трону — во имя любви к тебе. Неужели ты думаешь, что он посмеет потерять жену ради какой-то безродной девки?

— Ты наивен, дядя! Алара — та же безродная девка. Од-

нако носит шелка не хуже моих. Хотя её бесхребетность мне на руку. Дориану с ней скучно. Она лишь маячит перед глазами, как назойливая муха. Но повелитель рад лишний раз напомнить о том, что у меня тоже есть место, как у рабыни, возле его ног!

— Услышь же меня! Ты — госпожа. Так и веди себя согласно титулу! Спрячь свою гордость и ревность куда-нибудь подальше. Алара тебе мешает? Своим поведением ты сама фактически толкнула её в объятия повелителя. Будь умнее! Думай не о безродных девках, а о том, как родить императору наследника. Пока Дориан привязан к тебе — твоё положение незыблемо. Осталось укрепить ваш союз нерушимой нитью. А что до девчонки... если будет мешаться, я найду способ убедить твоего мужа отдать рабыню мне для услужения. В конце концов, ты права, её появление во дворце — моя заслуга.

— Я думаю о наследнике, дядя! Но государь пока слишком занят делами Империи, чтобы...

Лисандра вздрогнула, когда за спиной послышались чьи-то шаги. Девушка молнией метнулась к противоположной стене и тут же наткнулась на женщину. Судя по зрелому возрасту и неброской одежде, она была кем-то из прислуги. Грузная дама с расшитым чепчиком на голове, из которого выбилась прядь седых волос, нарочито упёрла руки в бока и гневно зашипела:

— Начинается песня! Не успели и одной ночи во дворце

заночевать, как шаркают во тьме по коридорам! Так ты ещё и босая? Захворать решила?! Беда на мою седую голову! Чего здесь ищешь?

Гнев пухлой и милой на вид женщины вызвал в сердце Лисандры только тёплую тоску по дому. В такой же позе и в похожем чепчике девушку пыталась отчитать соседка Сальма, которая после смерти мамы помогала Кайару вести быт и воспитывать девочку. Рабыня виновато улыбнулась и, стараясь говорить как можно тише, смущённо объяснила:

— У нас в комнате очень душно. Я проснулась от жажды, вышла в коридор, хотела найти кухню и попросить воды. Пока искала, встретила вас и, кажется, заблудилась...

Лисий взгляд и улыбка Лисандры всегда действовали на Сальму, попадая точно в цель. Обычно женщина не могла сдержатъ умиления, глядя в эти хитрые зелёные глаза, а затем оттаивала, как фруктовый сорбет под палящим солнцем. Эта дама в чепчике и впрямь была точной копией соседки. Особенно когда с озорным прищуром ущипнула девушку за кончик носа:

— Заморили бедняжку! Пойдём, милая, Кларисия напоит тебя водой.

Женщина пошла прямо по коридору и приглашающим жестом указала Лисандре следовать за ней. По дороге на кухню девушка прокручивала в голове подслушанный разговор. Кем были собеседники, догадаться несложно. Госпожа Эленис и канцлер Асториан — близкие родственники. Стало

быть, гнев супруги императора направлен на самую Лисандру. А это значит, ей стоит быть начеку: госпожа уже продумывает план, как устранить потенциальную соперницу. Знай Эленис, сколько проклятий придумала Лисандра в адрес её драгоценного супруга, она бы либо успокоилась, либо казнила на месте собственноручно.

Пока девушка витала в облаках и думала, как себя защитить, не заметила, что Кларисия остановилась у огромной двери. Не разобрав силуэт в темноте, Лисандра влетела лбом в спину женщины, та запричитала:

— Силы небесные! Если ты от рода такая неуклюжая, скажи сразу! Я предупрежу Стеварда, чтобы ничего хрупкого в руки тебе не давал. А то, если уронишь или разольёшь хоть крупицу на госпожу, не видать нам солнечного света, запрёт в темнице!

Девушка прищурилась и потёрла лоб, а женщина, уже отворив тяжёлую дверь, взяла факел со стены и ловко шмыгнула внутрь кухни. Лисандра пошла следом, бурча под нос:

Я — уклюжая. Только ещё не привыкла к здешним извилистым коридорам и их масштабам. Простите... Вы говорили о госпоже Эленис?

— А о ком же, детка? Во дворце одна госпожа — супруга императора. Была ещё матушка повелителя — госпожа Иллария, но пять лет назад скончалась от великого мора. Уж как ныне покойный император скорбел! Ах, ах! В тот же день двух своих наложниц отправил за двери, во дворец «Тишай-

ших слёз», а после и сам захворал от горя. Пошли ему Все-вышний вечного спокойствия... А чего это ты спрашиваешь? Никак в служанки к госпоже набиваешься? Не мечтай! С твоей-то неуклюжестью... На вот, целая чашка воды, упейся на здоровье. Держи обеими руками!

Лисандра приняла чашку из рук говорливой женщины и, не упустив шанса, схитрила:

— Нет, что вы?! Об этом и не думаю. Разве я смею? Госпожа такая красивая и, как я поняла, очень требовательная. Однако в тронном зале по левую руку императора я видела девушку...

Женщина подняла руку вверх, тем самым оборвав Лисандру на полуслове. Озираясь по сторонам, поднесла указательный палец к носу девушки.

— Не хочешь беды на свою голову, не обсуждай и не упоминай о наложнице при госпоже.

Лисандра, скосив глаза на палец, задумчиво протянула:

— Ааа... Так это наложница Алара. Она показалась мне милой и... не опасной.

Кларисия подошла ещё ближе к девушке, встав почти вплотную, понизила голос до полушёпота и по-заговорщи-чески произнесла ей на ухо:

— Это хорошо, что ты интересуешься тем, кто во дворце истинная госпожа. Тебе многое придётся запомнить и усвоить. Стевард всему обучит, в том числе тому, как прислуживать жене господина, а как — его наложнице. Но мой тебе

совет: чему бы тебя ни научили, запомни: если хочешь, чтобы твоя жизнь здесь не превратилась в ад, никогда не выказывай излишнего почтения к Аларе при госпоже

Затем женщина медленно отстранилась и посмотрела прямо в глаза Лисандре. А уже спустя мгновение расплылась в улыбке, игриво подкинув распущенные волосы девушки вверх, и тихонько захихикала:

— Ой, ну до чего же хороша! Небось, в твоём поселении отбоя от женихов не было!

После этих слов Лисандра вмиг поникла, в глазах потухли краски. Упоминание о родном доме до боли сжало сердце. Кларисия поняла, что невольно задела девушку за живое. Она по-матерински взяла Лисандру под локоток и, прижав к своей пышной груди, спросила:

— Как имя твоё, прекрасное дитя?

Девушка, уткнувшись носом в ключицу женщины, наконец почувствовала человеческое тепло и ощущение материнской безопасности. Тихо ответила:

— Лисандра.

Кларисия ласково провела рукой по спине девушки и утешающим голосом произнесла:

— Твоё имя изящно, точь-в-точь как ты сама. Сколько слёз девушек впитала грудь Кларисии — хватило бы, чтобы

наполнить до краёв высохшее Сапфировое море! Не печалься: если ты умна, то вскоре поймёшь, как устроен дворец. Будет трудно, временами — невыносимо. Но когда тебе понадобится поддержка или совет, приходи на кухню и спроси старшую кухарку Кларисию. Она всегда утешит.

Лисандра мягко отстранилась от женщины, доверчиво и с облегчением заглянула кухарке в глаза. В них сиял тёплый свет, искреннее желание помочь. Девушка застенчиво улыбнулась и робко ответила:

— Спасибо.

Кларисия забрала чашку с недопитой водой из её рук и снова заворчала:

— Заболтала ты меня до смерти! Ах беда, скоро рассвет! Немедля пойдём, я провожу тебя до комнаты. Если стражники поймают одну, слоняющуюся по коридорам ночью, — получишь нагоняй! Ты ещё и босиком! Уф, свалилась же ты на мою голову! Ступай скорее!

Кларисия торопливым шагом, переваливаясь с ноги на ногу, мчалась по извилистым коридорам. Девушка едва успевала бежать за ней следом и старалась запомнить дорогу до комнаты.

У дверей в покои для служанок всё так же дремал стражник. Он прислонился спиной к стене и, приоткрыв рот, издавал тихое сопение, которое раздавалось в полумраке коридора. Его копьё слегка покачивалось в руке. Остановившись у самой двери, Кларисия с любопытством уставилась

на спящего парня. Скосив хитрый взгляд на Лисандру, женщина усмехнулась и упёрла руки в бока. По этой фирменной позе девушка поняла: сейчас что-то будет. Кухарка медленно подкралась к стражнику и потянулась к его уху. Набрав в лёгкие воздух, она топнула ногой и, слегка повысив голос, рявкнула:

— Расступись! Госпожа Эленис!

Стражник вздрогнул всем телом. Он резко выпрямился, пытаясь одновременно схватить копье, одёрнуть одежду и принять подобающую позу. Сон как рукой сняло. Молодой человек, еле разлепив глаза, потерялся в пространстве, его лицо покраснело от страха и стыда. Не разобрав, кто перед ним стоит, он сбивчиво затараторил:

— Виноват! Госпожа, я не спал... то есть... бдел! — выпалил стражник, вытягиваясь в струнку и опасаясь поднять глаза.

Лисандра, зажав рот рукой, не сдержалась и засмеялась почти в голос. Наконец, стражник осмелился посмотреть по сторонам. Увидев перед собой хихикающую босую девицу и по обыкновению упёршую руки в бока старую проказницу, он выдохнул, гневно зашипел:

— Чтоб тебя! Я чуть Всевышнему душу не отдал! Разве можно так пугать несчастного, уставшего вусмерть Лазара?!

Женщина злорадно захихикала и насмешливо ответила:

— Будет тебе ворчать, несчастный и уставший Лазар. Лучше скажи «спасибо». Будь на моём месте часовой, висел бы

ты уже кверху ногами с куриными перьями во рту, на смех всему дворцу!

Лазар закатил глаза. В моменте вспомнив о присутствии рабыни, повернулся к ней всем телом и грозно спросил:

— А ты чего здесь хихикаешь? Почему не в постели? Неужто бродить по дворцу вздумала?

Лисандра не успела открыть рот, как кухарка шикнула:

— Это ты, лентяй, спишь! А половина дворца уже на ногах, готовая приступить к делам. На горизонте уж рассвет занимается! А новенькая решила проявить стремление, проснулась раньше всех, ждёт указаний.

Стражник с непонимающим видом поинтересовался:

— Да ну? Неужто сама вызвалась? погоди... а чего она тут стоит без обуви? И как ты здесь оказалась в такую рань?

Кларисия недовольно замахала руками и, как ей свойственно, запричитала:

— Что ж ты прицепился, окаянный? Всё ему то спать, то попусту трепаться, лишь бы не работать!

Увлекая за собой Лисандру и гневно размахивая рукой, Кларисия подтащила её к двери и рявкнула на застывшего в недоумении Лазара:

— Да подвинься же ты, дай пройти!

Девушка не успела опомниться, как уже стояла в своей комнате на пару с кухаркой. Тяжёлый день и бессонная ночь давали о себе знать. Как только Лисандра опомнилась, что избежала нагоняя от стражи, внутри разлилось тёплое чув-

ство облегчения, а вместе с этим голову окутал мутный туман. Она осмотрелась — девушки, закутавшись в одеяла, крепко спали, затем, услышав шорохи за спиной, обернулась. Не теряя времени, в углу комнаты вовсю орудовала Кларисия: склонившись над большим сундуком, она что-то старательно перебирала, ворча себе под нос. Наблюдая за женщиной, рабыня задумалась: *«Почему эта женщина так добра ко мне? Мы ведь едва знакомы, а она так яро бросилась меня защищать и утешать... Интересно: кухарка так внимательна ко всем девушкам во дворце?»* Но, несмотря на рой вопросов в голове, девушка поняла одно: какими бы ни были мотивы Кларисии, её участие и забота именно в эту минуту были Лисандре необходимы. В огромном дворце, среди безликих теней, молчаливых слуг и влиятельных господ ей посчастливилось найти уютный лучик света в глазах по-доброму ворчливой женщины.

Кухарка выпрямилась, изобразив победоносную улыбку. Довольная собой, она подошла к Лисандре с находкой: в одной руке она держала лёгкую льняную ткань голубого цвета, а в другой — коричневые башмачки из тонкой телячьей кожи. Протянув их рабыне, с заботой произнесла:

— На вот, скорее примерь. Среди старого тряпья — это лучшее, что я смогла найти, должно подойти. И обуйся уже, наконец! Не могу смотреть на твои голые ступни. Уж, поди, все пяточки отморозила!

Лисандра с благодарностью приняла одежду и робко шёпо-

том произнесла:

— Кларисия, спасибо! Я не ожидала такой доброты. Извините за моё любопытство, но... почему вы помогаете мне?

После слов Лисандры в коридоре послышался переливающийся и громкий звук колокольчика. Кларисия тут же застыла и округлила глаза.

— Стевард! Уже утро, он пришёл будить девушек! Ох беда, беда! Нехорошо, если увидит меня здесь. Растяпа, ой старая растяпа!

Пока кухарка причитала, в комнате для служанок отворилась дверь. В покои вошёл дворцовый управляющий. Его седые волосы были аккуратно зачёсаны назад, подчёркивая благородные черты лица. Невысокий рост не умолял его достоинства, выправка и уверенная осанка делали фигуру заметной и внушающей доверие. Мужчина был безупречно одет: строгий тёмный кафтан скрывал идеально накрахмаленный ворот рубашки. Стоя на пороге, он обвёл спальню внимательным взглядом янтарных глаз. В углу у камина стояла та самая заносчивая новобранка. Чужало сердце опытного управителя, с ней будет немало хлопот. Поодаль от девушки с глуповатой, почти извиняющейся улыбкой замерла... Кларисия? Стевард вопросительно посмотрел на старшую кухарку.

— Вот уж кого не ожидал здесь увидеть. И как это понимать? Ты давно должна хлопотать на кухне. Почему такой вид? Стоишь передо мной в ночной рубашке.

Женщина, виновато улыбнувшись, замяла край рукава и еле слышно попыталась оправдаться:

— Милый человек... я вчера, как узнала, что прибыли новые девушки, не могла заснуть. Вот как только рассвет заиграл, сразу же побежала к ним, чтобы узнать, не хотят ли на завтрак чего-нибудь вкусенького. Хотела побаловать пташек, поддержать. Это ведь их первый день во дворце.

Управляющий выставил руку вперёд, заставляя женщину замолчать. Прищурился.

— Побаловать пташек, значит... ты их будешь баловать, а мне потом расхлёбывать? Эти девушки — прислуга. Неважно, первый день они во дворце или сто первый, условия для всех равны! Никакого баловства! Ты меня знаешь, дважды я повторять не люблю. Надеюсь, с первого раза услышала. А теперь ступай к покоям госпожи Эленис, с таким же рвением поинтересуйся у её дверей, чем желает себя побаловать жена государя.

Холодный тон мужчины пригвоздил кухарку к полу, она застыла и выпучила глаза. Ещё мгновение — и терпение Стеварда закончилось, прикрыв глаза, он глубоко вдохнул и мощным басом закричал:

— Немедленно! Сейчас же выполнять!!!

Кларисия и Лисандра синхронно вздрогнули. Кухарка, жвав голову в плечи, семеня ногами, выбежала прочь. Крики управляющего подняли с постелей спящих девушек. Одна рабыня стояла в углу комнаты, не зная, куда себя деть. По-

ка служанки умывались, Стевард неспешно подошёл к новобранке и, осмотрев сверху вниз, сказал, заглядывая в глаза:

— Лисандра, кажется? Не удивлён, что участницей минувшей сцены оказалась именно ты. Как вижу, одежду и обувь для себя нашла. Приводи внешний вид в порядок, позавтракай, а после попроси стражника у дверей меня найти. Нам с тобой нужно прогуляться и кое-кого навестить.

Девушка только хотела спросить, для чего она ему понадобилась, как управитель, повернувшись к ней спиной, уже удалился из покоев для прислуги.

Лисандра положила в рот кусочек мягкой лепёшки из кукурузной муки с насыщенным привкусом трав и с трудом смогла проглотить, запивая глотком овсяного киселя, девушка поморщилась. Его вкус показался ей пресным и до отвращения обволакивающим. Хоть она не ела больше суток, еда застревала в горле — аппетита не было вовсе. Немного поразмыслив, Лисандра направилась к стражнику у дверей. Оповестив его о том, что она окончила трапезу и готова сходить по поручению управителя. Парень, молча кивнув, стремительно вышел. В ожидании Стеварда, девушка рассматривала своё одеяние для прислуги: жёсткая льняная ткань неприятно натирала кожу. На ощупь она напоминала грубую, не до конца обработанную поверхность, которая сразу давала понять: эта вещь для работы, а не для праздности. Голубой цвет бесформенного платья был неярким, скорее приглушённым, с лёгким сероватым оттенком. На свету

лён слегка переливался, что делало образ девушки незаметным, но гармоничным на фоне дворцового убранства. Фасон одежды — максимально простой: длинная юбка и длинные рукава, собранные у запястий, ворот и манжеты платья, обшитые тонкой тесьмой, — единственной уступкой изяществу. Такое одеяние было сшито специальным образом, для того чтобы скрыть привлекательный силуэт девушки и явно не подчёркивать её формы, дабы не смущать стражников. Даже в дурно сшитом наряде для прислуги Лисандра умудрялась выглядеть необыкновенно и привлекательно. Простое грубое одеяние не портило, а напротив, подчёркивало её природную грацию и свежесть. Девушка собрала волосы в косу, перевязала кожаным шнурком, а коричневые башмачки, к счастью, пришлись впору. Мгновение спустя у входа в комнату показался управляющий, жестом руки подозвал Лисандру и без объяснений пошёл прямо по коридору, заставляя девушку молча следовать за ним. Наконец мужчина остановился у высокой резной двери. По её виду было ясно: за ней находится комната влиятельной персоны, но стражи у дверей не было. Стевард строго посмотрел на девушку и предупредил:

— Как только войдёшь, сразу поклонись. Головы без позволения не поднимай, вопросов не задавай и не перечь. Молчи и слушай. Если проявишь неуважение — лично запру в темнице и заставлю пересчитать всех крыс по соседству. Ты меня поняла?

Лисандра, проглотив ком в горле, утвердительно кивнула. В голове пронеслась мысль: *«Император вызвал меня к себе? Но зачем? Придётся наступить себе на горло, чтобы перед ним склониться»*. Пока девушка терялась в догадках, Стeward трижды постучал в дверь, за ней раздался властный мужской голос:

— Войди.

Дверь распахнулась, управляющий обошёл девушку сзади и бесцеремонно толкнул её внутрь, а сам так и остался на месте. Лисандра робко переступила порог. Она оказалась в кабинете — это стало ясно по воздуху, который был пропитан запахом воска и старых книг, и по убранству: массивный резной стол в центре, на нём аккуратная стопка бумаг, чернильница из бронзы и несколько перьев. Для служанки, впервые оказавшейся в таком месте, кабинет казался воплощением власти и истории. Каждый предмет и обстановка словно напоминали о важности владельца и серьёзности предстоящей беседы. Поначалу в помещении царил тишина, девушка стояла молча, устремив глаза в пол. Вдруг из дальнего угла обширного кабинета послышались лёгкие шаги, казалось, будто кто-то подкрадывается. Лисандра прикрыла глаза и начала глубоко дышать, унимая бешеный стук сердца. Она пребывала во дворце всего пару дней, а страх от ожидания и неизвестности уже стал её постоянным спутником. Наконец бархатный мужской голос спокойно произнёс:

— Ты можешь посмотреть на меня.

Он показался очень знакомым. Он не был похож на голос молодого императора, но на его тембр где-то глубоко внутри сердце отозвалось болезненно. Лисандра поклонилась и нерешительно подняла голову, медленно, с опаской устремила взгляд на мужчину. Перед ней предстал... ну конечно же. Как она сразу не догадалась? Канцлер Асториан стоял у края стола, уперев в него руки. Всё те же аристократичная стать и умиротворяющая улыбка, лишь седые пряди на тёмных висках и глубокие морщинки в уголках серых глаз напоминали о том, что со дня их последней встречи прошло полтора десятка лет. Мужчина внимательно осмотрел растерянную девушку и мягко спросил:

— Ты узнаёшь меня?

Лисандра замялась, не скрывая дрожь в голосе, еле слышно ответила:

— Да, ваше превосходительство...

Асториан широко улыбнулся и, посмотрев на девушку сверху вниз, отметил:

— Как я и предполагал, ты выросла истинной красавицей, но нрав твой, видимо, отец так и не смог обуздать.

При упоминании об отце девушку будто ударило током, воспоминания слились воедино в болезненную картину: избитый до полусмерти папа, безутешный крик мамы, тесная и душная повозка... она рабыня. От этого внутри уже занималась ярость. Наплевав на слова Стеварда, Лисандра подняла упрямый взор на канцлера и строго спросила:

— Зачем я здесь, ваша милость? Для чего понадобилась?
Асториан, посмотрев в сторону, хмыкнул:

— Узнаю этот взгляд — бесстрашный и дерзкий.

Девушка, слегка прищутив глаза, стояла неподвижно, будто безмолвно намекала на то, что всё ещё ждёт ответа на свой вопрос. Как ей это удавалось? Будучи рабыней, она уже дважды бросала немой вызов влиятельной персоне, нарочито давая понять, что хозяйкой положения является она.

Асториан, наблюдая за девушкой и скрестив руки перед собой, заговорил:

— В день вашего приезда в тронном зале я наблюдал за тобой издалека. Твоя выходка была вопиющим случаем. Я ожидал, что император вмиг натравит на тебя стражу, однако... наказания не последовало. Характер Дориана я знаю, пожалуй, лучше всех из ныне живущих во дворце. Его потакание неучтивости — большая редкость. Догадываешься, что это значит?

Лисандра, заинтересованно склонив голову набок, ответила:

— Пока не очень понимаю к чему вы клоните, ваше превосходительство.

Канцлер хищно улыбнулся.

— Ты же вовсе не глупа, дитя моё. По моим подсчётам, твой разум и тело давно достигли зрелости, должна понимать, что может значить такое поведение мужчины, а уж тем более показательное снисхождение повелителя.

Девушка вопросительно приподняла бровь. Асториан ждал, что она хотя бы кивнёт. Однако все его провокации остались не у дел. Тогда канцлер решил, что пора говорить прямо.

— Это значит, милая Лисандра, что не далёк тот день или даже час, когда император призовет тебя в свои покои. Надеюсь, мне не придётся объяснять, что такой визит не подразумевает ведение светских бесед.

Мужчина замолчал и внимательно посмотрел рабыне в глаза, он ожидал реакции. Ему важно было понять: Лисандра намеренно дерзко себя ведёт, чтобы заполучить внимание Дориана, или же ею движет тихая ненависть, учитывая положение вещей. Ему необходимо было разобраться, как действовать, какими методами устранить угрозу в её лице, чтобы успокоить бушующее сердце племянницы Эленис.

Лисандра всё ещё упорно молчала, делая вид, что до конца не понимает, о чём идёт речь, хотя с самого начала она обо всём догадалась. Чувство отвращения в гремучей смеси с ненавистью обжигали горло, угрожая вырваться наружу криками и оскорблениями. Внешне девушка сохраняла стальное спокойствие. Представитель императора не унимался, он пошёл на следующий шаг.

— Если ты дашь мне слово быть честной и откровенной, я сделаю всё, чтобы помочь тебе. Пойми: я не просто служу императору, я связан с ним узами, которые глубже долга. Государь мне почти как сын — я помню его ещё ребёнком.

Но даже моя преданность ему не ослепляет меня настолько, чтобы не видеть твоих страданий. Я помню тот роковой день так ясно, будто он был вчера. Я вижу ту же боль в твоих глазах и сейчас. Поверь, у меня и у твоей семьи тогда не было иного выбора. Я искренне сожалею о том, что столь умной и прекрасной девушке пришлось покинуть родной дом и стать прислугой. Я знаю, что мои слова не принесут утешения, но позволь мне искупить вину. Скажи мне прямо здесь и сейчас, в этих стенах, где твои слова останутся тайной: Лисандра, тебя заинтересовал император как мужчина?

Девушка округлила глаза. Такого прямого вопроса она не ожидала, и он стал последней каплей, переполнившей чашу её терпения. Взгляд рабыни начал метать искры, черты лица сурово заострились. Канцлер мгновенно считал настроение Лисандры. Надев маску холодной ярости, она жестоко оскалилась. Собрав всю волю в кулак, девушка с горечью произнесла:

— Вы всё верно помните, ваша милость! Моего отца обрели на пожизненные муки совести, моя мать умерла от горя, а я... с самого детства живу в страхе за свою жизнь и семью. Значит ли это, что моё разбитое сердце способно претендовать на того, кому я обязана прислуживать до конца своих дней?

Лисандра судорожно и часто дышала. Канцлер молча опустил глаза в пол — именно этого ответа он и ожидал. Дав девушке несколько минут, чтобы восстановить дыхание, он

участливо произнёс:

— Бедное дитя... Да пошлёт Всевышний облегчение твоей душе, бушующей скорбью и яростью.

Лисандра не слышала в этих словах ни капли сострадания — лишь откровенное издевательство. Асториан не может стоять перед ней и делать вид, что не имеет отношения к произошедшему! Это не успокаивало, а лишь неизбежно злило. Канцлер приблизился на шаг к девушке и с огоньком в голосе произнёс:

— Если твоё сердце отказывается найти покой в стенах дворца, я вот что думаю: в мой дворец на субботнюю трапезу прибудет император. Я поговорю с ним и постараюсь убедить, чтобы он позволил тебе переехать в мой дом. Моей молодой супруге тяжело даётся ведение быта, а так как мои владения расширяются, ей понадобится помощь. Мой дворец велик, но не настолько обширен в сравнении с домом повелителя. Обещаю: в моём доме тебя никто не обидит. Если будешь смиренной и исполнительной — награжу: позволю изредка видаться с Кайаром.

Лисандра порывисто подняла глаза на мужчину и прошептала:

— Папа...

— Да, Лисандра, я не зверь. Но это должно остаться нашей тайной. Большого предложить не смогу, а теперь ступай и наберись терпения.

Канцлер откашлялся в кулак и громко крикнул:

— Мы закончили, Стевард!

Дверь распахнулась. На пороге в секунду выросла фигура управляющего. Мужчина взял дрожащую девушку под руку и вопросительно посмотрел на канцлера. Асториан, мягко улыбнувшись, произнёс:

— Всё хорошо, мы мило побеседовали. Девушка не поставила никаких проблем.

Стевард молча кивнул и потащил Лисандру к выходу спиной к двери.

Усевшись на высокое мягкое кресло, Асториан забарабанил пальцами по гладкой столешнице. Стало быть, его догадки оказались верными: девушка и впрямь ненавидит его самого, а ещё больше Дориана. Пока это остаётся истиной, браку императора с племянницей ничего не угрожает. Осталось придумать, как выпросить именно Лисандру себе в служанки. Кормить лишний рот — приятно мало, ведь слуг в его дворце более чем достаточно, пусть уж лучше девушка будет у него на виду, под боком, чем останется во дворце невидимой и непредсказуемой угрозой. Сердце повидавшего жизнь Астроана подсказывало: эта девушка не так проста, в ней кроется что-то первобытное, загадочное. Рано или поздно порывистый Дориан задержит на ней внимание, и если канцлер — виновник угрозы, значит он её и устранил.

Стевард и Лисандра, покинув кабинет, вновь брели по извилистым тёмным коридорам. Вдруг мужчина резко остановившись на развилке, повернулся к девушке, та дрожала и

явно была чем-то взволнована. Управляющий участливо положил руку на плечо рабыне и, заглядывая в глаза, спросил:

Что же ты дрожишь как лист на ветру? Не знаю, что сказал тебе его милость, но с сегодняшнего дня привыкай: разговоры с господами никогда не будут ласковыми. Имей терпимость и смирение, воспитывай в себе стойкость и спокойствие, иначе будет трудно.

Лисандра едва ли слышала слова управителя, она была полностью погружена в свои мысли. В ответ она лишь еле заметно кивнула. Стевард тяжело вздохнул и продолжил:

Ладно, некогда мне с тобой возиться. Дальше найдёшь дорогу сама: иди прямо до тех пор, пока не увидишь поворот налево, дальше упрёшься в двери кухни — там тебя ждёт Кларисия. Все уши мне прожужжала, просила отдать ей в помощницы, если справишься — так тому и быть. Одного не могу понять: когда вы успели так подружиться?

Ответа не последовало. Девушка явно была не готова отвечать ни на один вопрос, на сегодня их было достаточно. Мужчина выпрямился и обречённо произнёс:

— Хорошо, ступай. Поговорим позже, на занятиях.

Оставив девушку наедине с собой, Стевард скрылся за тёмным углом коридора. Лисандра, устремив глаза в пустоту, зашагала прямо, неспешно перебирая ногами. В голове вновь метались беспокойные мысли: *«Это дурной сон... это всё происходит не со мной. Если Асториан и Эленис так обеспокоены и ищут способ удалить меня из дворца, зна-*

чит, тому есть причина. Канцлеру нельзя доверять. Не будь наивной, Лисандра! Ты не увидишь отца, тебя увезут и в тот же день отравят, но оставаться здесь тоже нет ни малейшего желания. Этот императорский выродец положил на меня глаз! Видит Всевышний — если хоть пальцем меня коснётся, я убью его! И пусть меня казнят, такая жизнь мне не нужна». Внутренние стенания девушки прервали чьи-то шаги. Они глухим эхом раздавались впереди. Лисандра подняла глаза: вдали в тёмном коридоре было трудно угадать, кому принадлежит надвигающийся силуэт. Замедлив шаг, девушка затаила дыхание. Когда фигуры приблизились, в свете факела проявились две тени. По походке стало ясно, что это мужчины. Один из них шёл впереди широким размашистым шагом, второй немного отставал и, пружинисто шагая, периодически озирался по сторонам. В следующее мгновение Лисандру осенило: ей навстречу надвигался император в сопровождении стражника. Отступить было некуда: на пути — ни одного поворота, ни одной двери. В висках запульсировало. По ощущениям, путь сузился до тесной, давящей ловушки. При виде Дориана девушку вновь охватила ярость, дикое желание подбежать и вlepить пощёчину. Это рвение она, едва подавив, вложила в решительный ускоряющийся шаг. Со стороны казалось, что Лисандра смело мчится в пасть ко льву. В первый же день, когда девушки ожидали дозволения войти в тронный зал для встречи с императором, его личный страж Вирон строгим наказом пре-

дупредил новых служанок о том, что рядом с повелителем следует вести себя особо почтительно: взгляд на него не поднимать, при виде государя тут же падать ниц, и как можно скорее, если иного не требует император, скрыться с его глаз, не обременяя своим присутствием. Из всего сказанного Лисандра решила усвоить только последний пункт. Чем ближе она подходила к Дориану, тем ровнее становилась её спина, а взгляд — острее. В момент, когда их силуэты встретились, опьянённая решимостью девушка, высоко задрвав подбородок, без малейшего намёка на почтение прошла мимо государя, глядя строго перед собой, будто повелитель был пустым местом. Ни один мускул на лице Лисандры не дрогнул. Император оторопел. Он остановился и ещё несколько мгновений ждал, чтобы девушка одумалась. Но та стремительно и широко шагала, удаляясь от него всё дальше по коридору. От удивления император и его сопровождающий застыли и приоткрыли рты. В следующее мгновение страж пришёл в себя и, достав из-за пояса длинный хлыст, метнулся вслед за Лисандрой. Дориан едва успел поймать его за плечо. Так и стояли, смотря вслед удаляющейся всё дальше фигуре рабыни. Затем страж резко повернулся и, опустив глаза в пол, виновато произнёс:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.